

Научная статья
УДК 930:325(571.6)
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

"Китайцы в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева и "Китайское отходничество на Дальнем Востоке..." Ф. В. Соловьёва: изучение китайцев на русском Дальнем Востоке между экспертизой и наукой

Ярослав Александрович Барбенко
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, prohist@ya.ru
Галина Викторовна Кондратенко
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, gala103@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению соотношения экспертной и научной форм в этнографо-исторических сочинениях исследователей Дальнего Востока XX в. Авторы формулируют представление об особенностях экспертной и научной форм знания и изложения исследовательского материала, чтобы иметь возможность дать оценку исследуемым текстам. Авторы пришли к выводу, что "Китайцы в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева могут быть квалифицированы как экспертный текст, а "Китайское отходничество на Дальнем Востоке..." Ф. В. Соловьёва как научный с элементами экспертности.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Уссурийский край, китайцы, китайское отходничество, В. К. Арсеньев, Ф. В. Соловьёв*

Для цитирования: Барбенко Я. А., Кондратенко Г. В. "Китайцы в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева и "Китайское отходничество на Дальнем Востоке..." Ф. В. Соловьёва: изучение китайцев на русском Дальнем Востоке между экспертизой и наукой // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 3. С. 18–29. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

"The Chinese in the Ussuri Region" by V. K. Arseniev and "Chinese otkhodnichestvo in the Far East..." by F. V. Solov'ev: the study of the Chinese in the Russian Far East between expertise and science

Yaroslav A. Barbenko
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, prohist@ya.ru
Galina V. Kondratenko
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS,
Vladivostok, Russia, gala103@ya.ru

Abstract. The subject of the study is the correlation of expert and scientific forms in the ethnographic and historical works of the Far Eastern authors of the XX century: Vladimir Arseniev and Fyodor Solov'ev. The existing tradition of evaluating Vladimir Arseniev's research does not give a clear qualification of his non-fiction works. The authors formulate an idea about the features of expert and scientific forms of knowledge and presentation of research material in order to be able to evaluate the texts under study. The main research technique used by the authors is a matching search, we compare real texts with a set of characteristics of the ideal image of texts of expert and scientific styles. The authors came to the conclusion that "The Chinese in the Ussuri Region" by V. K. Arseniev can be qualified as an expert text, and "Chinese otkhodnichestvo in the Far East ..." by F. V. Solov'ev as a scientific text with elements of expertise. Arseniev gave his text the features of expertise consciously, and Solov'ev, apparently, accidentally when he deviated from the standards of scientific style.

Key words: *Far East, Ussuri Region, Chinese, Chinese seasonal work (otkhodnichestvo), V. K. Arseniev, F. V. Solov'ev*
For citation: Barbenko Y. A., Kondratenko G. V. "The Chinese in the Ussuri Region" by V. K. Arseniev and "Chinese otkhodnichestvo in the Far East..." by F. V. Solov'ev: the study of the Chinese in the Russian Far East between expertise and science // Ojkumena. Regional researches. 2022. No. 3. P. 18–29. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-3/18-29>

Введение

При чтении "Китайцев в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева привлекает внимание то, что буквально на первой странице автор открыто отказывается от анализа научной литературы по исследуемому вопросу. Зная о высокой оценке роли Арсеньева в изучении Дальнего Востока, мы удивились тому, что Владимир Клавдиевич, отказываясь от анализа исследовательской традиции изучаемого вопроса, уходит от прямого и сознательного "вклада" в общую традицию и обсуждение её, как это принято в науке [40, с. 612]. Эта особенность композиции "Китайцев в Уссурийском крае" оттеняется ещё и тем фактом, что Арсеньев, будучи знакомым с авторитетным исследованием В. Л. Серошевского "Якуты" [32] ещё до отъезда на Дальний Восток [29, с. 75], не стал брать его структуру в качестве образца, в отличие от С. Н. Браиловского [5,

с. 115], получившего за своих "Тазов, или удиһэ" малую золотую медаль РГО [5, с. 108].

В 1911 и 1912–1913 гг. В. К. Арсеньев участвовал в полицейских экспедициях по Уссурийскому краю, организованных с целью пресечения незаконной деятельности китайцев и контроля легальности их нахождения в России [7, с. 31]. Это событие происходило между двумя публикациями: докладом "Китайцы в Уссурийском крае", сделанном в отделе этнографии ИРГО в Петербурге в феврале 1911 г. [2], и выходом книги "Китайцы в Уссурийском крае"¹ в Хабаровске в 1914 г. [3]. Данные публикации напрямую связаны с деятельностью Арсеньева как специалиста-практика в связи с политикой приамурского генерал-губернатора Гондатти, с 1911 г. привлекавшего экспертов главным образом из военной среды для решения различных вопросов края [13, с. 128]. В предисловии "Китайцев..." Арсеньев обращается к "благоклонному вниманию читателей", что может подразумевать широкую аудиторию. Однако в заключении этой работы он предлагает совершенно определённые административные меры "разрешения жёлтого вопроса", которые могут быть реализованы только силой государственной власти. Это заставляет думать, что автор обращается уже не к общественности, а ко власти. Таким образом автор переходит в плоскость отношений компетентного специалиста с некомпетентным заказчиком проекта решения проблемы, что является признаком экспертизы [40, с. 1139]. Важно, что сам Арсеньев называл свою деятельность в походе 1911 г. научной работой, см. [38, с. 141], а исследовательский результат данного похода и экспедиции 1912–1913 гг. высоко оценивается в литературе [38, с. 141, 146].

Столь противоречивые сигналы о характере текста "Китайцев..." требуют уточнения и разрешения: является ли данная работа результатом экспертизы либо это отчёт о научном исследовании? Напомним, что вторая половина XIX и первая половина XX веков были временем становления современных социальных и гуманитарных наук. Рассмотрение особенностей одного из исследовательских текстов В. К. Арсеньева позволит уточнить положение Владимира Клавдиевича в глобальном процессе эволюции знания, так же как и лучше понять его индивидуальное движение в науке. Заострённая формулировка проблемы положения "Китайцев..." между экспертизой и наукой толкает нас к сравнению данного сочинения с текстом, имеющим характерные признаки экспертности либо научности. Какие требования, кроме определённости стиля изложения, необходимо учитывать при выборе текста для анализа? В первую очередь объект рассмотрения: это должны быть китайцы, предметом анализа в искомом тексте должна быть деятельность выходцев из Цинской империи на территории Уссурийского края или шире – российского Дальнего Востока в дореволюционное время. Идентичность или близость предмета исследования поможет нам провести анализ как можно более корректно.

Работ, в разной степени затрагивающих место и роль китайцев в освоении Дальнего Востока, немного. Большинство из них касается взаимных отношений, и объектом исследования в них является двусторонняя торговля. В. С. Мясников писал, что в период становления советской исторической науки (1925–1930 гг.) не было "глубоких исследований по истории двусторонних отношений" и они стали появляться только в 50-е гг. [25, с. 4]. К началу 70-х гг. можно отметить развитие представлений о присутствии китайцев на территории юга российского Дальнего Востока в период её присоединения: так, М. С. Сладковский полностью отрицал наличие китайцев [34, с. 257], в то время как Ф. В. Соловьёв указывал, что они могли появиться в Приморье не раньше русских [36, с. 114], а М. В. Кабузан отмечал, что китайцев в данное время на новых российских территориях было мало, и они не были постоянными жителями [17, с. 44]. Важно, однако, отметить, что только одна из этих работ была посвящена собственно китайцам, и то в контексте приморской топонимики [36]. И именно автор этого исследования в конце 80-х опубликовал работу "Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)"² с целью комплексного анализа деятельности

¹ Далее в тексте: "Китайцы...".

² Далее в тексте: "Китайское отходничество...".

китайцев на российском Дальнем Востоке в дореволюционное время [37, с. 9], впервые с 1914 г. Таким образом, в качестве сравнительного материала для сочинения В. К. Арсеньева мы будем использовать данную монографию Ф. В. Соловьёва.

Предметом данного исследования является соотношение экспертной и научной форм в этнографо-исторических сочинениях дальневосточных авторов XX в., цель – выявить форму изложения исследовательского материала в "Китайцах в Уссурийском крае" В. К. Арсеньева. На следующем шаге исследования мы операционализируем представление об особенностях экспертной и научной форм знания и изложения материала, чтобы иметь возможность дать оценку исследуемым текстам.

Специфика экспертного и научного знания

Эксперт в первую очередь является носителем уникальной (специфической для сферы его компетенции) информации, кроме того, он реализует функцию оценки эмпирических данных и является источником идей и решений [24, с. 6, 19]; само экспертное суждение – это полезная информация для принятия решений [28, с. 3]. В целом это экспертное знание можно охарактеризовать через понятия непосредственного, в том числе и чувственного, контакта и описания действительности, в то время как научное знание имеет выраженный теоретический, то есть опосредованный характер [20, с. 12]³. Напомним, что истоки различия научного как категоризированного и ненаучного как практико-чувственного возводятся ещё к античности [15, с. 27]. Практическая и теоретическая формы знания различаются главным образом как а) вплетённое в деятельность, ситуативное, относительно слабо отрефлектированное, не вырабатывающее новые смыслы, а переносящее их между фрагментами опыта и б) дистанцированное от объекта, схематизированное, воплощённое в понятиях, законах и теориях, ориентированное на выработку новых смыслов [40, с. 247]. Именно в таком ключе рассуждал Марк Блок: "Сравнительная история, как я ее понимаю, – это сугубо научная дисциплина, направленная на познание, а не на практические цели" [6, с. 88].

Опосредованность научного знания имеет принципиальный характер: "Ядром научной деятельности является построение идеальных объектов и теорий. Идеальные объекты – это интеллектуальные конструкции... выступающие в функции моделей по отношению к "реальным" объектам, которые теория берется описать" [30, с. 23]. В этом свете характерной чертой экспертного знания является "метис" как практическое знание, связанное с локальной спецификой [33, с. 496–524], в отношении которого обобщение и абстрагирование имеют разрушительное действие [33, с. 524–533]. При этом "локальность" следует понимать в самом общем смысле как ограниченность, специализированность, если угодно, ситуативность.

Мы используем приём противопоставления экспертной и научно-исследовательской деятельности именно в интересах анализа и сравнения, мы не стремимся противопоставить эти формы знания в принципе. Более того, существует явление научной экспертизы. Научная профессия эксперта, однако, не снимает с такого вида экспертизы её основных характеристик: предметность, ситуативность, авторитет специального знания. Действительно, учёный-эксперт привлекается учёным-исследователем для решения конкретного вопроса, и в рамках этого вопроса учёный-эксперт остаётся на специфически узкой позиции, имеющей ограниченное отношение к общей концепции исследования. А именно в силу указанной узости и специфичности своей позиции учёный-эксперт и обладает авторитетом.

В случае, когда осуществляется научная экспертиза управленческих решений, задачей эксперта является определение соответствия принимаемых решений как состоянию научного знания, так и реальной ситуации на месте внедрения решений [21, с. 3, 6]. Специфической задачей экспертизы является оценка "сложных систем с преобладанием качественных неформализуемых характеристик" [4, с. 162]. Очевидно, что научная экспертная деятельность

³ Нумерация страниц данной публикации приводится не по печатному изданию, а по электронному варианту текста, также указанному в ссылке.

Таблица 1. Определение содержательных признаков характера текста
Table 1. Definition of meaningful features of the nature of the text

Критерий отнесения к форме	Форма текста	
	Экспертная	Научная
Отношение к эмпирии	Использование имеющихся знаний; эмпирический поиск новых знаний	Использование имеющихся знаний; теоретический поиск новых знаний
Отношение к понятиям	Использование понятий	Использование/производство понятий
Отношение к понятийным схемам	Использование понятийных схем	Использование/производство понятийных схем
Отношение к теориям	Нет	Использование/производство теорий
Масштаб знания	Локальный	Универсальный
Коммуникативная позиция автора	Властного авторитета, предписывающая	Критикуемого коллеги, доказывающая

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

не столько реализует научную форму познания, сколько использует результаты науки в интересах экспертизы.

Исходя из отмеченных в данном и предыдущем разделах черт экспертизы и науки, сформулируем набор признаков экспертного и научно-исследовательского подходов, с помощью которого и будем оценивать характер изучаемых текстов (табл. 1).

Важно отметить, что экспертизу и научное исследование так, как это было сформулировано выше, полезно видеть в качестве веберовских "идеальных типов", то есть моделей, не имеющих прямого соответствия в реальности, но ценных для обобщения частных явлений [8, с. 45]. Характеризуя анализируемые тексты как экспертный или научный, мы относим их к "чистому идеальному типу", однако в цели анализа не входит определение степени соответствия тому или иному типу или тем более рассмотрение текстов в контексте "генетических идеальных типов" [8, с. 48–49].

Ниже будет представлен анализ двух текстов с опорой на критерии, указанные в табл. 1. Следующий раздел будет посвящён обсуждению результатов этого анализа в контексте историографической ситуации вокруг квалификации формы "Китайцев в Уссурийском крае" или характера исследовательской деятельности В. К. Арсеньева в период создания данного текста.

Анализ и квалификация текстов

Первое, что бросается в глаза при осмыслении текста как целостности, – глобальная опора автора на собственный опыт, о чём он пишет в предисловии: "Добытые мною сведения показали мне интересными. Я убедился, что в Уссурийском Крае, в силу исторических событий, пришлые китайцы живут другой особенной жизнью, совершенно непохожей на жизнь их в Китае, и потому я решил сведения эти опубликовать..." [3, с. 324]. Этнографический очерк дополняется достаточно подробным и цельным физико-географическим описанием, сделанным по опыту путешествий автора. При изучении истории коренного и пришлого населения Уссурийского края Арсеньев ссылается на академическую работу Шренка, приводя при этом опыт заселения севера Японии (Позднеев), востока Маньчжурии (Иакинф) и Сибири ("Сибирская история" Фишера). Кроме того, В. К. Арсеньев приводит и описания путешествий русских исследователей Приамурья – Маака, Венюкова, Пржевальского и др., опираясь на единственный источник статистических данных – "Материалы по изучению Уссурийского края" И. П. Надарова (1887), упоминая работу В. В. Граве (1912) и сведения А. А. Шильникова. Работа с полевым материа-

лом и отбор фактов о хунхузах (он первым разделил их на две группы – местных и пришлых) [3, с. 465] однозначно определяет Арсеньева как эксперта в этой области. Соответственно, по критерию эмпирического поиска новых знаний "Китайцев..." можно однозначно отнести к группе экспертных текстов. Ссылки на работы исследователей-предшественников (то есть использование имеющихся знаний) только усиливают данную квалификацию. В самом деле, мы уже указывали на то, что в период подготовки текста "Китайцев..." В. К. Арсеньев вёл активную поисковую работу в Сихотэ-Алине, сопрягая служебные дела и исследовательские увлечения.

Понятийная система, используемая в "Китайцах...", завязана на изучаемую реальность. В. К. Арсеньев, описывая явления китайской жизни, даёт названия, которые он слышал от самих китайцев (либо этим занимался один из его консультантов, указанных в предисловии), в первом случае возможно это не совсем китайский язык, а пиджин, которым пользовались пришлые китайцы. Использование китайских обозначений, так же как и географических названий, усиливает этнографичность и даже некоторую кинематографичность работы, погружая читателя в "китайскую реальность" Уссурийского края. В то же время Арсеньев подчёркивает, что они присутствуют только в южной части края и делает вывод, что на севере края не было ни маньчжуров, ни китайцев. Кроме того, китайцы "китаизировали" аборигенные названия, добавляя к ним суффиксы "хэ", "линь", "ху" и др. Автор приводит большую таблицу, в которой соотнесены русские, сохранившиеся аборигенные и китайские названия с объяснением (переводом) последних для русского читателя [3, с. 377–382]. Арсеньев замечает, что китайские названия описательны и очень точно отражают характер местности, возможно, потому что давались охотниками и звероловами с практической целью и передавались другим "пришельцам".

Свидетельств сознательного использования Арсеньевым в "Китайцах..." понятийных схем и каких-то теоретических конструкций мы не обнаружили. Это согласуется с вырисовывающейся практико-управленческой спецификой текста, дифференцирующей, определяющей, разъясняющей деятельность китайцев в Уссурийском крае.

На степень локальности масштаба знания указывает сам автор, определяя, как было указано выше, специфику уссурийских китайцев как избирательную, связанную с их трудовыми, но не обрядовыми практиками. Например, рассматривая опыт заселения окружающих Уссурийский край территорий, автор преследует цель фиксации особенностей истории края. Анализ топонимики края, описание занятий китайцев, их отношений между собой, с аборигенами и русскими, русской и маньчжурской администрацией – всё это в условиях использования локальной терминологии делает текст также очень локальным, уссурийским по содержанию. С учётом того, что Арсеньев признаётся и при жизни, и в наше время одним из лучших знатоков края, он вполне может быть обозначен как носитель уникального местного знания, метиса.

Коммуникативная позиция автора очень ярко раскрывается в заключении книги, где автор, опираясь на свой опыт путешествий, знание местной специфики, активные контакты с местными жителями, предлагает меры разрешения многих проблем региона. Словосочетания типа "это совершенно неверно", "было бы ошибочно думать", "я считаю, что "желтый вопрос" до тех пор не будет разрешен, пока" [3, с. 500–502] позволяют однозначно квалифицировать позицию автора данного текста как авторитетную, позицию информированного знатока, предписывающую активную помощь русским переселенцам, разделение уссурийских китайцев на категории для более эффективного управления ими и т. д. [3, с. 502–505].

Итак, "Китайцы..." имеют яркий набор признаков исследовательского текста, выполненного в форме экспертного отчёта: по каждому критерию (см. табл. 1) можно отметить полное соответствие экспертному типу текста. Важно отметить и тот факт, что, обозначив жанр "Китайцев..." как "очерк историко-этнографический", В. К. Арсеньев сам определил специфику сочинения: в литературоведении очерк характеризуется как "отличающийся строгой документальностью, адресной направленностью и высокой степенью участия автора в развитии сюжета" [27], что вполне соответствует особенностям "Китайцев..." и не противоречит их экспертной форме.

* * *

"Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.)" было издано в 1989 году и полностью принадлежит марксистско-ленинской историографии, что подразумевает определённый понятийно-теоретический аппарат. В списке источников и литературы можно видеть традиционный для своего времени раздел "Произведения основоположников марксизма-ленинизма" [37, с. 116], в данной работе играющей роль блока теоретических сочинений; в нём представлены, правда, только работы Ленина. Они цитируются во введении, в начале и в конце главы 1, задавая теоретическую рамку, связанную с пониманием сущности китайского отходничества. Оно интерпретируется как социальное явление, сопровождающее кризис китайского феодального общества и стремление капитала, главным образом иностранного, получить как можно более дешёвую рабочую силу [37, с. 3, 10, 32]. Таким образом, в данном тексте можно зафиксировать такой признак научного типа, как использование теорий.

Использование понятий и понятийных схем также очевидно присутствует в "Китайском отходничестве...", взяв хотя бы ключевое понятие, лежащее в основе рассуждений автора о присутствии на российской территории выходцев из Цинской империи, – "китайские отходники". Автор не впервые использует данное понятие, позаимствовав его, возможно, у О. Ё. Непомнина [36, с. 13, сноска 24], но творчески применив его в новой исторической ситуации. Используя понятие отходничества, Ф. В. Соловьёв не только указывал на природу китайского присутствия на Дальнем Востоке, но и подчёркивал его временный характер. Мы считаем, что использование понятия отходничества в отношении присутствия китайцев на русском Дальнем Востоке можно считать уликой производства понятия, а значит и зафиксировать в "Китайском отходничестве..." соответствующий признак текста научной формы. Что касается использования понятийных схем, то автор часто востребует марксистско-ленинскую терминологию, особенно в главах 1 и 2. Пожалуй, странным понятийным артефактом являются последние слова заключения, в которых автор не по-марксистски рассуждает о вреде, наносимом китайскими отходниками "национальным интересам России" [37, с. 101].

Отношения с эмпирическим материалом оказываются у Соловьёва неоднозначными. Фёдор Владимирович, хотя в рабочей юности и общавшийся с китайцами-работниками в Лесозаводске, в период исследовательской деятельности находился на административных и научных должностях в структурах АН СССР и имел только опосредованный историческими источниками и исследовательской литературой доступ к изучаемой реальности. В силу этого его "производство эмпирических фактов" может иметь единственную форму выявления/конструирования фактов из/на базе исторических источников. В этом отношении ограничимся указанием на то, что в списке источников и литературы на источнике приходится примерно четвертая часть. Поиск новых знаний Ф. В. Соловьёвым следует признать главным образом эмпирическим с опорой на источники исторической информации. Теоретический поиск автора главным образом завязан на адаптацию исторического материала к марксистско-ленинской теории.

Важно видеть тенденцию к универсализации масштаба получаемого автором исторического знания. Это вытекает из использования марксистской и иной терминологии, сближающей опыт разных обществ (как минимум русского и китайского на базе понятия отходничества), разных регионов (отходничество связало русеющее Приамурье и окитаивающуюся Маньчжурию) и т. д.

Наконец, коммуникативная позиция автора связана с активным обращением к источникам и литературе по исследуемому вопросу, страницы книги полны ссылок, в стороне стоит только последний параграф главы 4, не имеющий никакого ссылочного аппарата [37, с. 93–99]. Таким образом, в целом автор находится на доказывающей позиции, связанной с необходимостью постоянной опоры на свидетельства очевидцев и исторических документов, апелляции к признанным авторитетам теории.

Обобщая, необходимо отметить, что форма, в которую Ф. В. Соловьёв облёк "Китайское отходничество..." не является тотально научной, по критериям (см. табл. 1) отношения к эмпирии и коммуникативной позиции (т. е. двум) данный текст имеет черты экспертной формы знания. Однако по боль-

шинству признаков (четырёх) данная работа имеет чётко обозначенные черты научного текста.

Дискуссия об Арсеньеве

Проверим результат данных наблюдений на опыте уже имеющихся исследований творчества В. К. Арсеньева. Среди первых оценок "Китайцев..." следует указать на мнение путешественника и сподвижника Пржевальского П. К. Козлова, который по поводу издания "Китайцев..." писал Арсеньеву, что автор этой книги "глубокий знаток края, его природы и населения", цит. по [39, с. 73].

В публикации 1947 г. Н. Е. Кабанов называет "Китайцев..." "одной из крупных... работ по истории и этнографии края" [16, с. 20], написанной в период интенсивной научно-исследовательской деятельности [16, с. 18]. Есть и более определённые формулировки: в главе "Вклад В. К. Арсеньева в науку и литературу" Кабанов упоминает данную работу Арсеньева и характеризует её как "один... из интересных трудов" [16, с. 45]. С другой стороны, сам Владимир Клавдиевич характеризуется автором как "краевед-исследователь и практик" [16, с. 59], но в конечном итоге автор указывает, что "Китайцы..." есть "крупный вклад в науку" [16, с. 81]. Н. Е. Кабанов предложил следующую классификацию текстов Арсеньева: 1) оригинальные научные статьи, 2) научно-популярные работы, 3) ведомственные отчёты и докладные записки, 4) научные материалы, 5) литературно-художественные произведения [16, с. 39]. И. С. Кузьмичёв относит "Китайцев..." к первой группе, то есть к оригинальным научным статьям [22, с. 119], к чему, по нашему мнению, нельзя относиться вполне серьёзно хотя бы потому, что данное сочинение не является статьёй; к тому же надо помнить, что Кузьмичёв сам ставит перед собой задачу создания "*литературного портрета*" Арсеньева [22, с. 9] (текст выделен автором).

М. К. Азадовский называл Арсеньева путешественником-энциклопедистом [1, с. 9], однако "Утилитарный в лучшем смысле этого слова характер имели и все его исследования в целом... Это отнюдь не лишает их общенаучного значения... Над собранными им коллекциями трудился целый ряд выдающихся ученых страны..." [1, с. 16]. В данном случае Азадовский противопоставляет утилитарные по характеру исследования, связанные со сбором коллекций и труд учёных над этими коллекциями. "В. К. Арсеньев не боялся обобщений и теоретических рассуждений по поводу наблюдаемых им фактов. В описаниях его путешествий немало разного рода обобщений – географических, ботанических, климатологических, мало лишь обобщений этнографических"⁴ [1, с. 18–19]. "Китайцы...", как и "Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края" (1912), также является "отчётным", так как почти целиком основан на собственных наблюдениях [1, с. 36].

А. И. Тарасова характеризует работу Арсеньева в области этнографии как "чисто эмпирическое исследование" [38, с. 223], хотя тут же цитирует самого Владимира Клавдиевича о важности генетического и сравнительного методов в работе этнографа [38, с. 223–224]. В связи с этим нельзя не отметить, что указанные методы в чисто эмпирическом ключе мало отличаются от описания и на деле предполагают использование абстрактных понятий: Арсеньев не был "чистым" эмпириком. Кроме того, А. И. Тарасова обозначает "Китайцев..." как монографию [38, с. 260], в данном случае однозначно определяя эту работу как научную⁵.

Интересно отношение Ф. В. Соловьёва к обсуждаемому труду Арсеньева, который историк причисляет к "ряду работ, посвященных китайцам

⁴ Далее автор объясняет, что этнографические обобщения планировались для так и не вышедшей "Страны Удэхе", из чего можно сделать вывод, что эти обобщения были бы связаны с этнографией аборигенов. При этом утверждение об экономии этнографических обобщений у Арсеньева вообще продолжает работать и в отношении этнографии китайцев в Уссурийском крае, которая, видимо, не была приоритетом для Владимира Клавдиевича.

⁵ Исходя из представления о монографии как форме письменных научных коммуникаций [26, с. 87].

Приморья", эти работы являют собой шаг в развитии изучения китайцев: "он сделал серьезную попытку обобщить накопленные знания о китайских отходниках и выдвинул ряд новых вопросов..." [37, с. 7, 8]. В целом высокая оценка результатов исследований В. К. Арсеньева соседствует с неопределённостью в интересующем нас вопросе.

В. И. Дятлов вполне категоричен: ссылаясь на "Китайцев...", автор характеризует В. К. Арсеньева как "выдающегося писателя, путешественника и военного разведчика", ставит его в ряд с военными администраторами [11, с. 72]. Также и Е. И. Нестерова, рассуждая об изучении китайского присутствия на дореволюционном Дальнем Востоке, относит Арсеньева к группе "не историков, а военных и гражданских чиновников, служивших на Дальнем Востоке" [23, с. 26]. А. А. Хисамутдинов называет "Китайцев..." "очень серьезным исследованием" [39, с. 60], не давая более определённого ориентира, но регулярно противопоставляя служебную необходимость и исследовательские интересы В. К. Арсеньева.

И. Н. Егорчев характеризует "Китайцев..." как "научную работу" и "труд поистине энциклопедического характера" [12, с. 99], но при этом указывает на то, что Арсеньев "не был ни этнографом, ни археологом, ни географом в профессиональном плане", не был специалистом в перечисленных областях знаний [12, с. 99–100]. Таким образом подразумевается именно отсутствие профессионального образования, а не профессиональных навыков и профессиональной подготовки в широком смысле. Но отсюда можно сделать вывод, что и научность "Китайцев..." подразумевается автором в широком смысле, через концепт исследования. Именно в таком ключе описывает И. Н. Егорчев "научные итоги экспедиции 1911 года": образцы флоры, фольклора, минералогические, этнографические, археологические образцы, описания объектов, карты [13, с. 90, 91]. Тот же самый широкий смысл можно видеть в оценке "Китайцев..." А. Н. Буюковым как "исследования" [7, с. 37]; С. А. Тесленко, анализируя содержание "Китайцев...", характеризует В. К. Арсеньева как "известного исследователя" [19].

Опираясь на дореволюционные этнографические работы Арсеньева, С. В. Гончарова определяет его как учёного [9, с. 39]; так же как на сайте Российского этнографического музея, "Китайцы..." определены в список научных изданий [31]. В это же время А. А. Забияко характеризует труд Арсеньева как "книгу научно-популярной направленности" [14, с. 259].

В. Н. Соколов определяет дореволюционные тексты Арсеньева как научные [35, с. 709, 716], однако соглашается с П. Бурдые в том, что практическая деятельность не является теорией, воплощённой в практику [35, с. 711], что в свете обозначенной нами специфики экспертизы и науки оставляет позицию Соколова неопределённой. С похожим результатом характеризует деятельность В. К. Арсеньева в дореволюционное время С. Глебов: "начинающий учёный, военный офицер, которому поручено проводить демографическую политику", перед которым ставились сугубо практические задачи [41, р. 18, 19]. Вместе с тем автором отмечается у Арсеньева и складывание специфического взгляда на китайцев, не свободного от предубеждений своего времени и положения [41, р. 29]. Я. С. Гузей на словах характеризует В. К. Арсеньева как "чиновника переселенческого управления, географа и писателя" [10, л. 192], однако причисляет "Китайцев...." к научно-исследовательским работам [10, л. 225].

Итак, обзор оценок исследователей творчества и роли В. К. Арсеньева в развитии регионального знания даёт неопределённый результат: из почти двух десятков приведённых мнений более половины (10 человек) характеризует "Китайцев..." Арсеньева или подходы и методы автора исследования и как экспертные (называя его знатоком), и как научные. Неопределённость во взглядах исследователей на характер деятельности Арсеньева в целом, и на характер текста "Китайцев..." связан, по-видимому, с переходным состоянием самого Владимира Клавдиевича, активно и сознательно двигавшегося от практики знатока-путешественника к практике учёного-исследователя. В этом ключе небезынтересно обратить внимание на круг профессионального общения Арсеньева, участников которого В. В. Кавецкая разделила на две части: 1) "краеведов-универсалов" и 2) "этнографов-полевиков, которые уже...

приступили к теоретическому оформлению складывающейся в России этнологической науки" [18, с. 52].

Заключение

Как видно из результатов предыдущего раздела, большинство исследователей жизни В. К. Арсеньева и его творчества в вопросе определения характера его исследовательских работ дореволюционного времени не имеют однозначного мнения. Это отчасти вызвано переходным состоянием самого Владимира Клавдиевича, много работавшего над самообразованием и повышением уровня своих исследований. Но также эта историографическая ситуация вызвана тем, что многие историки в характеристике Арсеньева останавливаются на этапе квалификации его деятельности как "исследовательской", что не вносит определённости.

Пример "Китайцев...", эмпирически насыщенного, эмоционально ориентированного, конструктивистски заряженного текста демонстрирует нам образец экспертной работы очень высокого уровня, в рамках которой рекомендуемые специалистом меры в прямом смысле вырастают из земли прямо на глазах читателя. Одновременно с этим "Китайские отходники..." представляют пример академического текста, рассчитанного не на "применение", а на дискуссию. В основном научный по форме текст Ф. В. Соловьёва позволяет рельефно увидеть особенности экспертного подхода В. К. Арсеньева. В некотором смысле между этими работами можно увидеть своеобразную преемственность, раскрывающуюся не только в тематической близости, но и в выстраивающейся последовательности нарастания черт универсальности и абстрактности (как признаков науки) в процессе развития регионального китаеведения.

Литература

1. Азадовский М. К. В. К. Арсеньев – путешественник и писатель // Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М.: Госуд. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 288 с. С. 7–72.
2. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. 1900–1908 г.г. Доклад (Читано в заседании Отделения Этнографии И. Р. Г. О. 25 февр. 1911 г.) // Арсеньев В. К. Собр. соч. в 6 т. Т. III: Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1916 г. Владивосток: Тихоокеан. изд-во "Рубеж", 2012. 784 с. С. 631–666.
3. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историко-этнографический // Арсеньев В. К. Собр. соч. в 6 т. Т. III: Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1916 г. Владивосток: Тихоокеан. изд-во "Рубеж", 2012. 784 с. С. 323–506.
4. Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2013. 408 с.
5. Барбенко Я. А. Сучанско-Судухинская экспедиция ОИАК 1896 г. / Я. А. Барбенко, О. Н. Дмитриевская, В. И. Шука // Известия Восточного ин-та. 2018. № 3. С. 103–119. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2018-3/103-119.
6. Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001. 414 с. С. 65–93.
7. Буюков А. М. В. К. Арсеньев и хунхузы // Записки Об-ва изучения Амурского края. 1998. № 32. С. 31–38.
8. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006. 368 с.
9. Гончарова С. В. Работы В. К. Арсеньева как опыт исследования зарубежных китайцев // Ученые записки КнАГТУ. 2017. Т. 2. № 2. С. 36–39.
10. Гузей Я. С. "Жёлтая опасность": представления об угрозе с Востока в Российской империи в кон. XIX – нач. XX вв. Диссертация... канд. ист. наук. СПб., 2014. 248 л.
11. Дятлов В. И. Миграция китайцев и дискуссия о "желтой опасности" в дореволюционной России // Евразия. 2000. № 1. С. 63–89.
12. Егорчев И. Н. В. К. Арсеньев, известное и неизвестное // История и культура Приамурья. 2011. № 1. С. 98–101.
13. Егорчев И. Н. "Согласно личного приказания Вашего высокопревосходительства..." Секретные экспедиции В. К. Арсеньева 1911–1913 гг. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2014. 292 с.
14. Забияко А. А. От научных изысканий к художественной этнографии: В. К. Арсеньев, П. В. Шкуркин, Н. А. Байков // Русский Харбин: Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А. А. Забияко. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2005. 462 с. С. 242–283.
15. Ильин В. В. Критерии научности знания. М.: Высш. шк., 1989. 128 с.

16. Кабанов Н. Е. Владимир Клавдиевич Арсеньев, путешественник и натуралист. 1872–1930. М.: Изд-во Моск. об-ва испытателей природы, 1947. 95 с.
17. Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1973. 276 с.
18. Кавецкая В. В. Этнографическое сообщество В. К. Арсеньева // Арсеньевские чтения: мат-лы регион. научно-практ. конф. (г. Владивосток, 26–27 сент. 2017 г.) / сост. В. В. Кавецкая. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. 220 с. С. 51–58.
19. Китайская и корейская миграция на Дальний Восток России и её влияние на социально-экономическое развитие региона: 1860–1917 гг. / С. А. Тесленко // disserCat – электронная библиотека диссертаций. URL: <https://www.dissercat.com/content/kitaiskaya-i-koreiskaya-migratsiya-na-dal'nii-vostok-rossii-i-ee-vliyanie-na-sotsialno-ekonom> (Дата обращения: 12.12.2021).
20. Коваль С. П. Эксперт против ученого. Когнитивные особенности получения знания экспертом // Материалы Всерос. конф. по когнитивной науке (КИСЭ-2017) Казань, 30 окт. – 03 нояб. 2017 г. Казань: Казанский (Приволжский) фед. ун-т, 2017. 566 с. С. 455–468. URL: <https://kpfu.ru/portal/docs/F2140185729/Koval.PDF> (дата обращения: 02.12.2021).
21. Космачев К. П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). Новосибирск: Наука, 1981. 112 с.
22. Кузьмичев И. С. Писатель Арсеньев: Личность и книги. Л.: Изд-во "Сов. писатель", Ленингр. отд., 1977. 240 с.
23. Нестерова Е. И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 372 с.
24. Масленников Е. В. Экспертное знание: Интеграционный подход и его приложение в социологическом исследовании. М.: Наука, 2001. 228 с.
25. Мясников В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1987. 512 с.
26. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология: Словарь системы основных понятий. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2015. 208 с.
27. Очерк // Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / academic.ru – Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://literaturologiya.academic.ru/438/%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BA> (дата обращения: 12.01.2022).
28. Панкова Л. А. Организация экспертизы и анализ экспертной информации / Л. А. Панкова, А. М. Петровский, М. В. Шнейдерман. М.: Наука, 1984. 120 с.
29. Полевой Б. П., Решетов А. М. В. К. Арсеньев как этнограф // Советская этнография. 1972. № 4. С. 74–87.
30. Розин В. М. Особенности дискурса и образцы исследования в гуманитарной науке. М.: Кн. дом "ЛИБРОКОМ", 2009. 208 с.
31. Сем Т. Ю. Арсеньев Владимир Клавдиевич / Рос. этногр. музей. URL: <https://ethnomuseum.ru/kollekcii/sobiratelii/arsenev-vladimir-klavdievich/> (дата обращения: 20.11.2021).
32. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: б. и., 1896. [4], XII, 720 с.
33. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университет. книга, 2005. 576 с.
34. Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, 1974. 437 с.
35. Соколов В. Н. Тропою Арсеньева: к исторической антропологии военного востоковедения ДВ России начала XX века // Арсеньев В. К. Собр. соч. в 6 т. Т. III: Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1916 гг. Владивосток: Тихоокеан. изд-во "Рубеж", 2012. 784 с. С. 707–778.
36. Соловьев Ф. В. Китайские отходники и их географические названия в Приморье (вт. пол. XIX – нач. XX в.) / Ин-т истории, археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Владивосток: б. и., 1973. 284 с.
37. Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 127 с.
38. Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва "Наука", 1985. 344 с.
39. Хисамутдинов А. А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930. М.: Наука, 2005. 224 с.
40. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Гл. ред. И. Т. Касавин. М.: "Канон+"; РООИ "Реабилитация", 2009. 1248 с.
41. Glebov S. The Political Ecology of Vladimir Arseniev // Sibirica. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 15–36. doi: [dx.doi.org/10.3167/sib.2020.190203](https://doi.org/10.3167/sib.2020.190203).

References

1. Azadovsky M. K. V. K. Arseniev – traveler and writer // Arseniev V. K. Life and adventures in the taiga. Moscow: State. publishing house of geographical literature, 1957. 288 p. P. 7–72. (In Russ.)
2. Arseniev V. K. The Chinese in the Ussuri region. 1900–1908 Report (Read at the meeting of the Department of Ethnography I. R. G. O. on February 25, 1911) // Arseniev V. K. *Sobr. op. in 6 vols. Vol. III: Scientific and practical publications, reports, reports. 1906–1916* Vladivostok: Pacific. publishing house "Rubezh", 2012. 784 p. P. 631–666. (In Russ.)
3. Arseniev V. K. The Chinese in the Ussuri region. Essay historical and ethnographic // Arseniev V. K. *Sobr. op. in 6 vols. Vol. III: Scientific and practical publications, reports, reports. 1906–1916* Vladivostok: Pacific. publishing house "Rubezh", 2012. 784 p. P. 323–506. (In Russ.)
4. Afanas'ev V. G. Social information and management of society. Moscow: Publishing house "LI-BROCOM", 2013. 408 p. (In Russ.)
5. Barbenko YA. A. Suchansko–Sudukhinskaya expedition of the OIAK 1896 / YA. A. Barbenko, O. N. Dmitrievskaya, V. I. Shtuka // *Oriental Institute Journal*. 2018. No. 3. P. 103–119. doi: dx.doi.org/10.24866/2542–1611/2018–3/103–119. (In Russ.)
6. Bloch M. On the Comparative History of European societies // *Odyssey. A man in history*. 2001. M.: Nauka, 2001. 414 p. P. 65–93. (In Russ.)
7. Buyakov A. M. V. K. Arseniev and hunkhuz // *Notes on the study of the Amur Region*. 1998. No. 32. P. 31–38. (In Russ.)
8. Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. History and rationality: Max Weber's Sociology and the Weber Renaissance. Moscow: KomKniga, 2006. 368 p. (In Russ.)
9. Goncharova S. V. V. Arseniev's works as an experience of studying foreign Chinese // *Scientific Notes of KnAGTU*. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 36–39. (In Russ.)
10. Guzei YA. S. "Yellow perill": ideas about the threat from the East in the Russian Empire in the late XIX – beginning. XX centuries. Dissertation... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2014. 248 p. (In Russ.)
11. Dyatlov V. I. Migration of the Chinese and the discussion about the "yellow perill" in pre-revolutionary Russia // *Eurasia*. 2000. No. 1. P. 63–89. (In Russ.)
12. Egorchev I. N. V. K. Arseniev, known and unknown // *History and culture of the Amur region*. 2011. No. 1. P. 98–101. (In Russ.)
13. Egorchev I. N. "According to the personal order of Your Excellency..." Secret expeditions of V. K. Arseniev 1911–1913. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2014. 292 p. (In Russ.)
14. Zabiylko A. A. From scientific research to artistic ethnography: V. K. Arseniev, P. V. Shkurkin, N. A. Baykov // *Russian Harbin: The experience of life-building in the conditions of the Far Eastern Frontier* / Edited by A. A. Zabiylko. Blagoveshchensk: Amur State University, 2005. 462 p. P. 242–283. (In Russ.)
15. Il'in V. V. Criteria of scientific knowledge. Moscow: Higher School, 1989. 128 p. (In Russ.)
16. Kabanov N. E. Vladimir Klavdievich Arseniev, traveler and naturalist. 1872–1930. Moscow: Publishing House of Moscow. the Society of Nature Testers, 1947. 95 p. (In Russ.)
17. Kabuzan V. M. How the Far East was settled. Khabarovsk: Khabarov. publishing house, 1973. 276 p. (In Russ.)
18. Kavetskaya V. V. The ethnographic community of V. K. Arseniev // *Arseniev readings: mat-ly region. scientific and practical conference (Vladivostok, September 26–27, 2017) / comp. V. V. Kavetskaya*. Vladivostok: Publishing House of VSUES, 2019. 220 p. P. 51–58. (In Russ.)
19. Chinese and Korean migration to the Russian Far East and its impact on the socio-economic development of the region: 1860–1917 / S. A. Teslenko // *disserCat – electronic library of dissertations*. URL: <https://www.dissercat.com/content/kitaiskaya-i-koreiskaya-migratsiya-na-dalnii-vostok-rossii-ee-vliyanie-na-sotsialno-ekonom> (Accessed 12.12.2021). (In Russ.)
20. Koval' S. L. Expert vs scientist. Cognitive features of obtaining knowledge by an expert // *Materials of the All-Russian Conference on Cognitive Science (KISE–2017) Kazan, October 30 – November 03, 2017 Kazan: Kazan (Volga Region) Fed. un-t, 2017. 566 p. P. 455–468. Available from URL <https://kpfu.ru/portal/docs/F2140185729/Koval.PDF> (Accessed 02.12.2021).* (In Russ.)
21. Kosmachev K. P. Geographical expertise (methodological aspects). Novosibirsk: Nauka, 1981. 112 p. (In Russ.)
22. Kuz'michev I. S. Writer Arseniev: Personality and books. L.: Publishing house "Soviet writer", Leningr. ed., 1977. 240 p. (In Russ.)
23. Nesterova E. I. Russian administration and Chinese migrants in the South of the Russian Far East (sec. half of XIX – beginning XX centuries). Vladivostok: Publishing House of the Far East. un-ta, 2004. 372 p. (In Russ.)
24. Maslennikov E. V. Expert knowledge: Integration approach and its application in sociological research. Moscow: Nauka, 2001. 228 p. (In Russ.)
25. Myasnikov V. S. The Qing Empire and the Russian state in the XVII century. Khabarovsk: Khabarov. publishing house, 1987. 512 p. (In Russ.)

26. Novikov A. M., Novikov D. A. *Methodology: Dictionary of the system of basic concepts*. M.: Book house "LIBROCOM", 2015. 208 p. (In Russ.)
27. *Essay // Terminological dictionary–thesaurus on literary studies / academic.ru – Dictionaries and encyclopedias on the Academic*. URL <https://literaturologiya.academic.ru/438/%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%BA> (Accessed 12.01.2022). (In Russ.)
28. Pankova L. A. *Organization of expertise and analysis of expert information / L. A. Pankova, A. M. Petrovsky, M. V. Schneiderman*. M.: Nauka, 1984. 120 p. (In Russ.)
29. Polevoi B. P., Reshetov A. M. V. K. Arseniev as an ethnographer // *Soviet ethnography*. 1972. No. 4. P. 74–87. (In Russ.)
30. Rozin V. M. *Features of discourse and samples of research in the humanities*. Moscow: Book house "LIBROCOM", 2009. 208 p. (In Russ.)
31. Sem T. YU. *Arseniev Vladimir Klavdievich / Russian ethnogr. the museum*. URL <https://ethno-museum.ru/kollekcii/sobiratelii/arseniev-vladimir-klavdievich/> (Accessed 20.11.2021). (In Russ.)
32. Seroshevsky V. L. *Yakuts: the experience of ethnographic research / edited by N. I. Veselevsky*. St. Petersburg: s. n., 1896. [4], XII, 720 p. (In Russ.)
33. Scott J. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Conditions Have Failed*. M.: University. book, 2005. 576 p. (In Russ.)
34. Sladkovsky M. I. *The History of trade and economic relations of the Peoples of Russia with China (before 1917)*. Moscow: Nauka, 1974. 437 p. (In Russ.)
35. Sokolov V. N. *Arseniev's Path: to the Historical Anthropology of Military Oriental Studies of the Far East of Russia at the beginning of the twentieth century // Arseniev V. K. Sobr. op. in 6 vols. Vol. III: Scientific and practical publications, reports, reports. 1906–1916 Vladivostok: Pacific. publishing house "Rubezh", 2012. 784 p. P. 707–778*. (In Russ.)
36. Solov'ev F. V. *Chinese otkhodniks and their geographical names in Primorye (sec. half XIX – early XX) / Institute of History, archeol. and ethnogr. peoples of the Far East DVNTs of the USSR Academy of Sciences*. Vladivostok: s. n., 1973. 284 p. (In Russ.)
37. Solov'ev F. V. *Chinese otkhodnichestvo in the Russian Far East in the era of capitalism (1861–1917)*. Moscow: Nauka, 1989. 127 p. (In Russ.)
38. Tarasova A. I. *Vladimir Klavdievich Arseniev*. M.: Nauka, 1985. 344 p. (In Russ.)
39. Khisamutdinov A. A. *Vladimir Klavdievich Arseniev. 1872–1930*. Moscow: Nauka, 2005. 224 p. (In Russ.)
40. *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science / Editor-in-chief I. T. Kasavin*. M.: "Canon+"; ROOI "Rehabilitation", 2009. 1248 p. (In Russ.)
41. Glebov S. *The Political Ecology of Vladimir Arseniev // Sibirica*. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 15–36. doi: [dx.doi.org/10.3167/sib.2020.190203](https://doi.org/10.3167/sib.2020.190203).

Информация об авторах

Ярослав Александрович Барбенко, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: prohist@ya.ru
Галина Викторовна Кондратенко, младший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: gala103@yandex.ru

Information about the authors

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: prohist@ya.ru
Galina V. Kondratenko, Junior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia, e-mail: gala103@ya.ru

Поступила в редакцию

(Received) 03.05.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.08.2022

Принята к публикации

(Accepted) 22.08.2022